

«Зачем вы придумали Пасху?»

Разговор
с сомневающимся
о жизни с Богом
и без Него

Письмо в редакцию

Христианство — идеальная сказка. На страницах вашего журнала современные авторы блестяще доказывают вслед за множеством коллег философов и проповедников, что христианство — религия радости и любви, что все страдания наши — сиюминутные переживания, а на самом деле нас всю жизнь несет на руках любящий Отец. Действительно, если с такой позиции взглянуть, то Холокост уже не кажется ужасным. И можно понять тех, кто радуется с криками: «Смерти нет! Христос Воскресе!». Но из чего следует эта система мироустройства? Из веры? Ну так вот и объяснение: это вера в идеальную сказку. И родилась она потому, что была отточена до идеала за две тысячи лет сотнями и тысячами людей, чей мучительный поиск объяснений приводил их к Церкви, а затем толкал их на выдумывание все новых и новых оправданий своей веры. Почему Бог допустил неравенство? А вот почему! Почему люди погибли в Лиссабоне, когда их погребли под собой рухнувшие в праздничный день храмы? А вот почему! Поколениями лучшие представители человечества работали над поиском таких оправданий. Христианство — это никакой не заговор ради денег и никакой не политический заказ королей, как пытаются нас убедить некоторые. В принципе, никаких претензий к христианству нет. Просто оно иллюзорно. Придуманный мир, в котором удобней жить тем, кто нашел в себе интеллектуальные силы его придумать. Почему бы вам просто это не признать?

Александр, Калуга

Дорогой Александр, вопрос, который Вы задаете, является одним из самых важных вопросов в истории человеческой мысли, и, по сути, сводится к двум вариантам ответа: Бог создал человека или человек создал Бога. Вы считаете правильным второй вариант. Что ж, давайте попробуем рассмотреть его непредвзято и определить, насколько он состоятелен.

Человек действительно может создавать в своем воображении целые миры. Очень часто они бывают настолько далеки от нашей повседневной реальности, что для их жанрового определения в литературе существуют специальные термины — сказка, научная фантастика, фэнтези. Этих миров не существует в природе, они населены придуманными персонажами. Однако в них нашли отражение вполне реальные человеческие мечты и страхи, надежды и разочарования. И если эта способность

нашего ума выражать свои переживания через художественное творчество столь очевидна, то почему бы не предположить, что и идея любящего людей всемогущего Бога тоже — плод такого добросовестного фантазирования, мечта о том, чего так не хватает человеку в этом холодном и безжалостном мире?

Идея эта отнюдь не нова. Вольтер еще в восемнадцатом веке писал: «...случись, что Бога нет — Его б пришлось создать». Правда, при этом французский философ имел в виду не столько любящего, сколько карающего Бога. Говоря, что сам-то он не очень верит в муки ада, Вольтер добавлял: «Я хочу, чтобы мой поставщик, мой портной, моя жена верили в Бога; я думаю, что тогда меня реже будут обворовывать и наставлять мне рога». Такой утилитарный взгляд на религию вполне понятен, хотя нравственной высоты в нем, прямо скажем, не очень много. Однако как раз приведенную выше фразу Вольтера о необходимости

создания Бога цитирует в романе Достоевского Иван Карамазов, говоря теперь уже именно — о нравственной высоте такой идеи: «...был один старый грешник в восемнадцатом столетии, который изрек, что если бы не было Бога, то следовало бы его выдумать, s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer. И действительно человек выдумал Бога. И не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль — мысль о необходимости Бога — могла залезть в голову такому дикому и злому животному каков человек, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку».

В этих вполне созвучных цитатах Вольтера и Достоевского легко увидеть неразрешимое противоречие. Человек низок и зол, поэтому идея Бога необходима ему для ограничения его злобы и низости. Но как же может человек родить эту высокую и благородную идею, если он низок и зол? Ведь очевидно, что любое порождение человеческой души

Отказавшись от мысли о существовании Бога, человек неизбежно начинает наделять божественными свойствами окружающий его мир, либо же — придумывает неких, неизмеримо более развитых, чем он сам, соседей по Вселенной.

непрерывно должно быть созвучно ее качествам, иначе придется признать, что эта благородная идея пришла к нему откуда-то извне, или, как это принято говорить у верующих людей — свыше.

Возможно, как раз по этой причине тезис «если бы Бога не было, его пришлось бы выдумать» озвучивался лишь как некое предположительное допущение. Причем делали это люди, с одной стороны, никак не симпатизировавшие Церкви, с другой — всё же верующие, хотя и как-то очень по-своему. Тот же Вольтер, например, не был атеистом и признавал существование Бога, полагая, что именно Он наделил природу разумным устройством, гармонией и целесообразностью. А Максимилиан Робеспьер, процитировавший эту фразу Вольтера на заседании Конвента, прямо утверждал, что атеизм — мировоззрение аристократов, в то время как идея верховного существа, охраняющего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление, — это народная идея, и он, Робеспьер, ее полностью разделяет.

Следи за собой, будь осторожен!

Видимо, даже очень сильный человек слишком слаб для того, чтобы остаться в этом мире самым старшим, сильным и мудрым. Отказавшись от мысли о существовании Бога, он неизбежно начинает наделять божественными свойствами

окружающий его мир, либо же — придумывает неких, неизмеримо более развитых, чем он сам, соседей по Вселенной, которые способны незримо контролировать человечество. Ну, или как самый примитивный вариант такой мировоззренческой замены — известный тезис советских кухонных разговоров о непознанном: «Нет, что бы там ни говорили про Бога, а что-то такое все же есть». Какого-то особого интеллектуального усилия подобные выдумки от человека не требуют. Здесь его мысль идет по естественному для нее направлению, в поиске некоей сверхъестественной защиты от нескончаемых бед и напастей, на которые так щедро жизнь.

Куда более напряженной деятельности ума требует как раз мысль о том, что Бога нет. Не того Бога, о котором учат христиане, а вообще — никакого. То есть — у человека в этом мире нет абсолютно никакого защитника и помощника. И судьи тоже нет. И наставника. Он сам себе и суд, и помощь, и защита, и наставление. Одинокий человек в бездушном и враждебном ему мире — вот мировоззрение, для принятия которого, действительно, придется максимально напрячь все силы души. Но, увы, ничего, кроме уныния, оно принести не может. Мир воспринимается как абсурд, жизнь лишается даже подобия смыслов. Столь желанная свобода превращается в источник постоянной тревоги и разнообразных страхов, среди которых главным становится неизбывный страх смерти. Это состояние брошенности человека, его метафизического одиночества среди бесчисленных угроз со стороны мира вряд ли кто-либо сумел выразить ярче и наглядней, чем Виктор Цой:

*Завтра кто-то утром в постели
Поймет, что болен неизлечимо,
Кто-то, выйдя из дома, попадет под машину.
Завтра где-то в одной из больниц
Дрогнет рука молодого хирурга,
Кто-то в лесу нарвется на мину.*

*Следи за собой, будь осторожен!
Следи за собой!*

*Ночью над нами пролетел самолет,
Завтра он упадет в океан,
Погибнут все пассажиры.
Завтра где-то, кто знает где?
Война, эпидемия, снежный буран,
Космоса черные дыры...*

*Следи за собой, будь осторожен!
Следи за собой...*

Трагическая ирония этой песни очевидна: человека буквально на каждом шагу подстерегают смертельные опасности, однако ни одну из них он не способен взять под контроль. Поэтому единственное, что ему остается, — попытаться контролировать хотя бы себя самого (что тоже скорее иллюзорная возможность, ведь даже за собой человек как следует уследить не в состоянии). Причем это не просто личное откровение талантливого поэта. В психологической науке существует специальный термин — базальная тревога, которым обозначаются переживаемые каждым человеком в той или

Фото Ben Andreas Harding

иной мере чувства одиночества и беспомощности в потенциально враждебном мире.

И вот это тревожное ожидание надвигающейся беды в сочетании с наивной инструкцией «следить за собой» Вы, Александр, предлагаете считать реальным восприятием мира. А христианство с его верой в Бога, способного защитить, вытащить из любой передрыги, дать силы пережить любую беду, утешить в горе, и наконец — встретить нас с любовью за пределом нашей земной жизни, — всего лишь выдумкой умных людей, позволяющей им снять эту общую для всего человечества тревогу. Такое мировоззрение, конечно же, имеет право на существование, как и любое другое. Но в нем, на мой взгляд, есть как минимум две серьезные неувязки.

Предположим, я согласился признать его истинность. Что я приобретаю, и как меняется мой мир от этой перемены взглядов? Неравенство среди людей по-прежнему остается, погибшие в Лиссабоне не воскресли, Холокост все равно произошел. Только теперь я точно знаю, что никакого смысла в этих смертях не было, что страдание погибших людей оказалось последней точкой в их бытии, а неравенство, жестокость и подлость торжествуют из века в век и будут торжествовать далее, потому что нет в мире силы, способной призвать их к ответу. Предложенное Вами обращение к реальности ничего не дало мне, кроме жесточайшего разочарования. Оставшись без Бога, один на один с мировым злом, я лишь понимаю, насколько оно непреодолимо для человеческих усилий и насколько бессмысленна моя жизнь перед лицом смерти. Думаю, при таких условиях ни один верующий человек никогда не согласится поменять свою веру в Бога на предложенную «реальность», как об этом писал Достоевский в письме к Фонвизинной: «...Если б кто доказал мне, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то

мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели со истиной». Это первая неувязка.

Любовь как доказательство

Вторая неувязка заключается в следующем. Вы пишете, что христианство придумали лучшие умы человечества, что только люди, обладающие достаточной интеллектуальной силой, способны жить придуманном ими же мире веры в Бога как в Любящего Отца. Но любое мировоззрение жизнеспособно для человека лишь в том случае, если подкреплено его реальным опытом, свидетельствующим об истинности этого мировоззрения. Если же такого опыта нет, никакие интеллектуальные усилия не помогут ему удержать свой разум в золотой клетке прекраснотных фантазий. Умному человеку свойственна высокая критичность мышления, он просто не сможет жить в построенном им же воздушном замке. Поэтому, как мне кажется, в Вашем рассуждении необходимо сделать важную поправку. Либо христианство — изобретение не очень умных людей, способных лишь обманывать себя собственными выдумками (и тогда ни о каких «интеллектуальных усилиях лучших представителей человечества» не может идти речи). Либо же христианство — результат вполне реального опыта встречи с Богом, пережитого лучшими представителями человечества, осмысленного ими, и бережно переданного следующим поколениям (и тогда не может идти речи уже об «идеальной сказке» и «придуманном мире»).

Вы определяете христианство как результат мучительного поиска объяснений тому злу, которое мы видим вокруг себя в мире. Но давайте посмотрим, что же говорят об этом сами христиане. Известный религиозный мыслитель, философ и психолог Семен Людвигович Франк писал: ««Объяснить» зло

Фото Санкт-Петербургской Духовной академии

значило бы “обосновать” и, тем самым, “оправдать” зло. Но это противоречит самому существу зла, как тому, что неправомерно, чего не должно быть. <...> Единственно правомерная установка в отношении зла есть — отвергать, устранять его, а никак не “объяснять” и тем самым узаконять и “оправдывать” его».

С христианской точки зрения карамазовскую «слезинку ребенка» невозможно объяснить. Ее можно только утереть, осушить своей любовью и участием. А если нет такой возможности, то хотя бы просто поплакать вместе с плачущими, войти в чужую боль, принять на себя ее часть. Любая же попытка рационально объяснить конкретную человеческую беду сразу духовно дистанцирует нас от пострадавших в этой беде, будь то жертвы Холокоста или погибшие в Лиссабоне люди. Вдвойне печально выглядят подобные попытки, когда объяснения носят религиозный характер.

И если говорить о том же Холокосте, то единственным достоверным и неоспоримым свидетельством действия Божией любви в людях, пострадавших от гитлеровского геноцида, будет только свидетельство самих этих людей. Лишь сами страдающие могут говорить о смысле своего страдания, и тут уже никто не вправе подвергать сомнению их опыт, оплаченный столь высокой ценой. Я не думаю, что примеры таких свидетельств смогут убедить Вас в истинности христианства. Но хотя бы избежать некоторых заблуждений на его счет они, безусловно, могут помочь.

Известный христианский проповедник митрополит Сурожский Антоний после войны работал врачом и много общался с бывшими жертвами фашистских концлагерей. Это были люди, кото- рых несколько лет подряд каждый день мучили

так страшно, что об этом нельзя даже подумать без содрогания. Но что же они вынесли из этого многолетнего опыта страданий, как относились к своим мучителям? Владыка Антоний приводит в своей книге два уникальных документа — молитву, написанную на клочке оберточной бумаги погибшим узником лагеря смерти Дахау, и рассказ своего старого знакомого, который сам провел за колючей проволокой четыре года. Наверное, можно сколь угодно долго обсуждать христианское учение о любящем Боге, не оставляющем людей в самых страшных обстоятельствах их жизни, можно соглашаться с ним или его оспаривать. Но перед этим единодушным свидетельством двух людей, перенесших немислимые страдания, хочется просто склонить голову и благоговейно умолкнуть:

«...Вот эта молитва: “Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников. Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли — мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости. Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими

во внимание добро, а не зло! И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей...”

Второй пример — человека, которого я очень близко знал. Он был старше меня значительно, участник Первой мировой войны, где он потерял руку; он вместе с матерью Марией Скобцовой спасал людей во время немецкой оккупации — Федор Тимофеевич Пьянов. Его взяли немцы в лагерь, он четыре года там был, остался в живых. Когда он вернулся, я его встретил случайно на улице, говорю: “Федор Тимофеевич, что вы принесли обратно из лагеря, с чем вы вернулись?” — “Я вернулся с ужасом и тревогой на душе”. — “Вы что, потеряли веру?” — “Нет, — говорит, — но пока в лагере я был жертвой жестокости, пока я стоял перед опасностью не только смерти, но пыток, я каждую минуту мог говорить: Господи, прости им, они не знают, что творят! И я знал, что Бог должен услышать мою молитву, потому что я имел право просить. Теперь я на свободе; наши мучители, может быть, не поняли и не раскаялись; но когда я говорю теперь: Господи, прости, они не знают, что творят, — вдруг Бог мне ответит: а чем ты докажешь искренность своего прощения? Ты не страдаешь, теперь тебе легко говорить...”

Вот это тоже герой прощения. И я глубоко уверен, что в конечном итоге, когда мы все станем на суд Божий, не будет такой жертвы, которая не станет в защиту своего мучителя, потому что раньше, чем придет время окончательного Страшного суда над человечеством, каждый, умерев, успеет на себя взглянуть как бы в зеркале Божества, увидеть себя по отношению ко Христу, увидеть, чем он был призван быть и не был, и уже не сможет осудить никого» (из книги митрополита Сурожского Антония «Человек перед Богом»).

Апостолы и «Уотергейтское дело»

Ну и, наконец, о самом главном. В своем письме, Александр, Вы упоминаете радостные возгласы христиан о том, что смерти нет, потому что Воскресение Христа ее преодолело. И тут же недвусмысленно утверждаете, что Воскресение тоже — грандиозная выдумка верующих, призванная оправдать в их глазах все ужасы мира. Называя христианство сказкой, и даже — идеальной сказкой, — Вы проявляете настоящую деликатность, и стараетесь не оскорбить тех, кто в эту сказку верит.

Но, исходя из предложенной Вами позиции, такой подход вряд ли оправдан, и вот почему. Исторический факт существования Христа сегодня не подвергается сомнению даже самыми убежденными критиками христианства. Но если признать, что Христос на самом деле не воскрес, тогда получается, что свидетели Его воскресения не просто сочинили красивую сказку, а самым натуральным образом солгали. Потом эта ложь отправилась кочевать по городам и весям, передавалась из поколения в поколение, обростала сложными богословскими построениями и культовыми ритуалами. Но по сути осталась тем же, чем и была изначально — ложью. И никакими деликатными словами об «идеальной сказке» ее прикрыть не получится. Поэтому давайте

назовем вещи своими именами: Вы считаете, что христианство основано на ложном свидетельстве учеников Христа о Его Воскресении, которого на самом деле не было.

Я не буду приводить Вам в ответ богословские рассуждения или примеры из житий святых: без опыта личной встречи с Богом они все равно не станут для Вас доказательством. Вместо этого я хотел бы предложить Вам один из самых неожиданных аргументов в доказательство Воскресения Иисуса Христа, которое привел Чак Колсон (Charles Colson), советник президента Никсона, непосредственный участник знаменитого «Уотергейтского дела», отбывший за него тюремный срок по приговору суда: «Я знаю, что Воскресение Христа — это факт, который мне доказал Уотергейт. Двенадцать апостолов свидетельствовали, что видели Христа воскресшим, и затем в течение сорока лет, ни разу не отрекаясь, проповедовали, что это правда. Всех их избивали, мучили, забрасывали камнями и бросали в тюрьмы. Они не смогли бы все это перенести, если бы Воскресение Христа не было правдой».

В Уотергейте было замешано двенадцать наиболее влиятельных лиц в мире, которые в своей жизни продержались и трех недель. И вы говорите мне,

Не на интеллектуальном усилии основана убежденность людей в истине Воскресения, а на личном опыте встречи с любящим Богом. Такая встреча происходит в глубине каждого сердца, ищущего правды.

что двенадцать апостолов продолжали лгать в течение сорока лет? Это абсолютно невозможно!»

Конечно, можно не согласиться с Колсоном, и продолжать верить, будто простые рыбаки из Палестины две тысячи лет назад сумели обмануть весь мир, и единственной прибылью, которую они получили от этой лжи, стали многолетние скитания, преследования от властей, побои, пытки, мучительная смерть.

Но если уж мы говорим о лучших представителях человечества, исповедовавших христианство, то вряд ли стоит предполагать в них способность к вере в такие странные вещи. Не на интеллектуальном усилии была основана их убежденность в истине Воскресения, а на личном опыте встречи с любящим Богом. Такая встреча происходит в глубине каждого сердца, ищущего правды. Очень надеюсь, что когда-нибудь и для Вас этот опыт станет реальностью, обретя которую, Вы уже не будете нуждаться в поиске рациональных аргументов для ее подтверждения и тоже сможете искренне и свободно сказать: «Смерти нет! Христос Воскресе!» ✠

Александр Ткаченко